

Прощай, Берлин

Автор:

[Кристофер Ишервуд](#)

Прощай, Берлин

Кристофер Ишервуд

Эксклюзивная классика (АСТ)

«Прощай, Берлин», впервые опубликованный в 1939 году, – самое, пожалуй, известное произведение Кристофера Ишервуда, широкой популярности которого немало послужил снятый по его мотивам Бобом Фоссом с Лайзой Минелли в главной роли фильм «Кабаре». Это произведение принято называть романом, однако с тем же успехом книга может считаться и концептуальным сборником рассказов. Рассказов, объединенных общим героем, временем и местом. Итак, герой – небогатый молодой английский писатель. Время – странная, зыбкая, сумеречная эпоха самого начала 1930-х, незадолго до прихода к власти национал-социалистов. И наконец, место – Берлин, самый богемный из мегаполисов довоенной Европы. Декадентский, нервный Берлин «джазовой эры». Город, в котором в какой-то немислимый клубок сплетаются судьбы богемных девиц весьма нестрогих нравов, сходящих с ума от вседозволенности богачей, состоятельных еврейских интеллектуалов и многих, многих других пассажиров беспутного Ноева ковчега свободы – ковчега, который очень скоро превратится в «Титаник»...

Кристофер Ишервуд

Прощай, Берлин

1. Берлинский дневник

(Осень 1930)

Из моего окна видна широкая, монументальная улица. Винные погребки, где целыми днями горит свет, под сенью тяжелых фасадов с балконами, грязные оштукатуренные стены с рельефными завитками и геральдическими знаками. Таков и весь район: одна улица переходит в другую, застроенную домами, напоминающими старинные громоздкие сейфы, набитые потускневшими от времени ценностями и второсортной мебелью обанкротившегося среднего класса.

Я – камера с открытым объективом, совершенно пассивная, не мыслящая – только фотографирующая. Я фотографирую бредущего мужчину у окна напротив и женщину в кимоно, моющую волосы. Когда-нибудь все это будет проявлено, аккуратно отпечатано, опущено в фиксаж.

В восемь часов вечера входные двери запираются. Дети ужинают. Магазины закрывают. Зажигается электрическая лампочка над ночным колокольчиком небольшого отеля на углу, где можно снять комнату на час. Скоро послышится свист. Это молодые люди вызывают своих девушек. Они свистят, стоя на морозе под освещенными окнами теплых квартир, где уже раскрыты постели. Им бы хотелось, чтобы их впустили. Эти сигналы отдаются в глубине пустой улицы, сладострастные, тайные и печальные. Из-за свиста мне не по себе вечерами. Он напоминает мне, что я в незнакомом городе, один, вдали от родного дома. Иногда я принимаю решение не слушать, беру книгу, пытаюсь читать. Но вот уже раздается зов столь пронзительный, настойчивый, отчаянно человеческий, что я вынужден встать и поглядеть сквозь планки жалюзи на улицу, чтобы убедиться в том, что я и так прекрасно знаю – зовут не меня.

В моей комнате удивительный запах: не то чтобы совсем неприятный – смесь ладана с черствыми булками. Высокая, ярко раскрашенная изразцовая печь похожа на алтарь, умывальник – на готический храм. Шкаф тоже готический с резными кафедральными окнами – на цветном стекле Бисмарк встречается с королем Пруссии. Мое лучшее кресло вполне сошло бы за трон архиепископа. В углу – три бутафорские средневековые алебарды из театрального реквизита, они связаны между собой и образуют вешалку для шляп. Время от времени фрейлейн Шрёдер отвинчивает наконечники алебард и полирует их. Они

настолько тяжелые и острые, что ими можно убить.

Да и все в комнате в таком же духе – всюду ненужная помпезность, все ненормально громоздко и опасно остро. На письменном столе занятые металлические штуковины – пара подсвечников в виде переплетенных змей, пепельница с торчащей головой крокодила, нож для разрезания бумаги, имитирующий флорентийский кинжал. Что будет с этими вещами? Может, их поместят в музей и они сохранятся на века. А может, переплавят на пушки? Каждое утро фрейлейн Шрёдер тщательно расставляет их в определенном порядке, они стоят как непреклонные свидетели ее взглядов на Общество и Капитал, Секс и Религию.

Весь день напролет она бродит по огромной запущенной квартире, бесформенная, но очень подвижная, в тапочках и цветастом домашнем халате, тщательно заколотом, чтобы не торчали нижняя юбка и корсаж, размахивает пыльной тряпкой, подсматривает, вынюхивает, сует маленький острый нос в шкафы, в гардероб своих жильцов. У нее темные блестящие пытливые глазки и довольно красивые завитые волосы, которыми она гордится. Ей лет пятьдесят пять или около того.

Давным-давно, перед войной и инфляцией, фрейлейн Шрёдер жила в относительном достатке. Свой летний отпуск проводила на Балтийском море и держала прислугу. Последние тридцать лет она живет здесь и сдает комнаты. «Люблю, когда вокруг люди», – объясняет она.

– Лина, – говорят мне друзья, – как ты можешь? Как ты терпишь, что у тебя живут чужие люди и портят твою мебель, ведь у тебя есть деньги, чтобы быть независимой. И я всегда отвечаю одинаково: «Мои жильцы вовсе не жильцы. Они мои гости». Видите ли, герр Исиву, в былые времена я могла выбирать себе квартирантов. Могла выбирать и сдавать только людям со связями и хорошо образованным – истинным джентльменам (как вы, герр Исиву). У меня жили Фрейхер, Риттмейстер и один профессор. Они часто делали мне подарки – бутылку коньяка, или коробку конфет, или цветы. А когда уезжали домой в отпуск, всегда присылали мне открытки – из Лондона, Парижа или Баден-Бадена. И какие открытки...

А теперь у фрейлейн Шрёдер нет даже собственной комнаты. Ей приходится спать в гостиной, за ширмами, на небольшом диванчике со сломанными пружинами. Как во многих старых берлинских квартирах, наша гостиная

соединяет переднюю и заднюю половины. Жильцы, заселяющие переднюю, чтобы попасть в ванную, должны пройти через гостиную, поэтому фрейлейн Шрёдер часто просыпается ночью. «Но я сразу же засыпаю снова. Это меня ничуть не беспокоит. Я слишком устаю за день». Всю работу по дому ей приходится делать самой, на отдых времени не остается. «Двадцать лет назад попробовал бы кто-нибудь предложить мне вымыть пол. Он бы у меня схлопотал. Но ко всему привыкаешь. Ко всему. Да, помню, что скорее дала бы отрубить себе правую руку, чем вынесла бы ночной горшок. А теперь... – говорит фрейлейн Шрёдер, подкрепляя слова делом. – Боже мой! Теперь это все равно что налить чашку чая!»

Она любит показывать мне разнообразные отметины и пятна, оставленные бывшими жильцами.

– Да, герр Исиву, есть что вспомнить о каждом из них... Взгляните на ковер – я отдавала его в чистку не знаю сколько раз, но что толку. Здесь стало плохо герру Носке после его дня рождения. Ума не приложу, что он там съел, чтобы устроить такое. Он приехал в Берлин учиться, понимаете. Родители жили в Бранденбурге – отличная семья, уверяю вас! Денег у них – куры не клюют! Отец – хирург, и, конечно же, ему хотелось, чтобы сын пошел по его стопам... Очаровательный молодой человек! «Герр Носке, – бывало говорила я ему, – извините меня, но вам действительно нужно хорошенько потрудиться – вам, с вашим умом! Подумайте об отце и матери, не хорошо так транжирить их деньги. Лучше бы выкинули их в воды Шпрее – хоть всплеск раздался бы». Я ему заменяла мать. И всегда, когда он попадал в беду – а был он на редкость легкомысленный, – он шел прямо ко мне. «Милая Шрёдер, – говорил он, – пожалуйста, не сердитесь... Прошлой ночью мы играли в карты, и я проиграл все деньги, которые мне прислали на месяц. Не знаю, что сказать отцу...» А потом смотрел на меня своими огромными глазищами. Я отлично знала, что ему, пройдохе, нужно! Но у меня не было сил отказать. И я села и писала его матери письмо, умоляя ее простить сына в последний раз и выслать ему немного денег. И она всегда... Как женщина я, конечно, умела воззвать к материнским чувствам, хотя своих детей у меня никогда не было... Почему вы улыбаетесь, герр Исиву? Ну-ну! Никто не застрахован от ошибок.

А здесь герр Риттмейстер всегда ухитрялся плеснуть кофе на обои. Он любил сидеть на этой кушетке со своей невестой. «Герр Риттмейстер, – говорила я ему, – пожалуйста, пейте кофе за столом. Простите меня, но у вас еще вагон

времени, на все хватит». Но нет, он всегда усаживался на кушетку! Ну и конечно, придя в возбуждение, опрокидывал чашку... такой милый господин! Его мать и сестра иногда навещают нас. Им нравится Берлин. «Фрейлейн Шрёдер, – признавались они, – вы не представляете, какая вы счастливая, что живете здесь, в самой гуще событий. А мы – несчастные провинциалы. Как мы вам завидуем! А теперь поведайте нам последние дворцовые сплетни!» Конечно, они просто шутили. У них был прелестный домик неподалеку от Хальберштадта, в Гарце. Они часто показывали фотографии. Мечта да и только!

А видите чернильные пятна на ковре? Здесь профессор Кох любил встряхивать ручку. Я ему тысячу раз выговаривала за это. Наконец я стала раскладывать вокруг его стула промокательную бумагу. Он был такой рассеянный. Милейший пожилой господин! Я к нему очень привязалась. Если я чинила ему рубашку или штопала носки, он благодарил меня со слезами на глазах! И еще – он любил немного пошутить. Иногда, услышав, что я иду, он выключал свет и прятался за дверь, а потом рычал, как лев, – пугал меня. Настоящее дитя...

Фрейлейн Шрёдер могла часами распространяться на эту тему, не повторяясь. Выслушав очередную порцию ее рассказов, я чувствовал, что меня охватывает странная подавленность, напоминающая транс. Я начинаю ощущать себя ужасно несчастным. Где теперь все эти жильцы? И где буду я сам через десять лет? Конечно, не здесь. Сколько морей и границ мне придется пересечь, прежде чем наступит тот далекий день; где только не придется странствовать: пешком, на лошади, на машине, на велосипеде, самолете, пароходе, на поезде, на лифте, эскалаторе и трамвае? Сколько денег мне понадобится для этого грандиозного путешествия? Сколько еды должен я устало переварить за это время? Сколько башмаков износить? Сколько выкурить сигарет? Сколько выпить чашек чая и кружек пива? До ужаса безвкусная перспектива. И наконец – умереть... Что-то внезапно сжимается у меня внутри – и прошу прощения, но я удаляюсь в уборную.

Узнав, что когда-то я учился на медицинском, фрейлейн Шрёдер признается мне, что очень страдает из-за слишком большого бюста. Ее мучают сердцебиения – она уверена, что они вызваны чрезмерной нагрузкой на сердце. Может быть, нужна операция? Некоторые ее знакомые советуют ей согласиться на операцию, другие против.

– Боже милостивый, какую тяжесть приходится на себе носить. А ведь когда-то я была такой же стройной, как вы, герр Исиву, подумать только!

– Наверное, у вас было много поклонников, фрейлейн Шрёдер?

– С десятков, пожалуй, а то и больше. Но только один Друг. Он был женат, но жил с женой врозь – она не давала ему развода. Мы были вместе целых одиннадцать лет. Потом он умер от пневмонии. Когда холодно, я просыпаюсь ночью и мечтаю о том, чтобы он был рядом. Если спишь одна, никогда толком не согреешься.

В нашей квартире еще четыре жильца. За соседней дверью, в большой комнате, выходящей окнами на улицу, живет фрейлейн Кост. В той, что напротив и выходит во двор, – фрейлейн Мейер. Дальнюю, за столовой, занимает Бобби. А за комнатой Бобби, над ванной, на самой верхотуре расположена крошечная мансарда, которую фрейлейн Шрёдер неизвестно почему называет «шведским павильоном». Она сдает ее за двадцать марок в месяц коммивояжеру, который не бывает дома целыми днями, а зачастую и ночами. Иногда воскресным утром я встречаю его на кухне. Он едва волочит ноги и с извиняющимся видом стреляет коробок спичек.

Бобби служит в «Тройке». Это бар в западной части города. Его настоящего имени я не знаю. Он взял себе псевдоним, потому что в берлинском полусвете сейчас в моде английские имена. Это бледный, хорошо одетый молодой человек с жидкими маслянистыми черными волосами и беспокойным взглядом. По утрам, выпрыгнув из постели, он расхаживает по квартире в рубашке с короткими рукавами и в сеточке для волос.

Фрейлейн Шрёдер и Бобби – близкие друзья. Он щекочет ее и хлопает по заду, она может огреть его по голове сковородкой или шваброй. Увидев такое впервые, я удивился, чем привел их в некоторое замешательство. Сейчас они меня уже не стесняются.

Фрейлейн Кост – румяная блондинка с огромными глупыми голубыми глазами. Когда мы встречаемся по пути в ванную или возвращаемся из нее в ночных рубашках, она скромно отводит глаза. Она пухленькая, но фигура у нее неплохая.

Однажды я спросил фрейлейн Шрёдер напрямик:

– Кто фрейлейн Кост по профессии?

– По профессии? Ха-ха, как это мило! Именно то слово – профессия. Да, у нее замечательная профессия. Вот какая...

И с таким видом, словно она изображает что-то очень смешное, она стала вразвалочку ходить по кухне, словно утка, жеманно двумя пальчиками держа пыльную тряпку. Возле двери она повернулась и, ликуя, взмахнула ею, будто шелковым носовым платком, а потом послала мне воздушный поцелуй:

– Ха, ха, герр Исиву! Вот как они ведут себя!

– Я не совсем понимаю, фрейлейн Шрёдер. Вы хотите сказать, что она ходит по проволоке?

– Ха-ха-ха! Очень точно, герр Исиву! Именно так! То самое слово. Она ходит по проволоке, чтобы обеспечить себе существование. В точности про нее сказано!

Однажды вечером, вскоре после этого разговора, я встретил фрейлейн Кост на лестнице вместе с японцем. Хозяйка объяснила мне, что это один из лучших клиентов фрейлейн Кост. Она спрашивала фрейлейн Кост, как они проводят время, когда вылезают из постели – ведь японец по-немецки двух слов связать не может.

– Прекрасно, – ответила фрейлейн Кост, – мы заводим граммофон, едим шоколад, а потом хохочем. Он очень любит хохотать...

Фрейлейн Шрёдер в самом деле очень расположена к фрейлейн Кост и не имеет никаких претензий к ее ремеслу; тем не менее, когда она сердится на то, что фрейлейн Кост отбила носик у заварочного чайника или не поставила крестики против своих телефонных разговоров на грифельной доске, она неизменно восклицает:

– Но, в конце концов, чего еще можно ждать от женщины подобного сорта. Обыкновенная шлюха! Герр Исиву, разве вы не знаете, кем она была?

Служанкой! А потом закрутила роман со своим хозяином и в один прекрасный день оказалась в известном положении... А когда эта маленькая неприятность была устранена, она пошла по рукам...

Фрейлейн Мейер поет тирольские песни в мюзик-холле. Она одна из лучших исполнительниц в этом жанре во всей Германии, как почтительно уверяет меня фрейлейн Шрёдер. Она не питает большой симпатии к фрейлейн Мейер, но относится к ней с каким-то благоговейным трепетом. У певицы бульдожья челюсть, здоровенные ручищи и жесткие крашенные волосы. Говорит она на баварском диалекте решительно и агрессивно. Дома она обычно сидит за столом в гостиной, как всадник на боевом коне. Она помогает фрейлейн Шрёдер гадать на картах. Обе они опытные гадалки и не начинают дня, не раскинув карты. Ныне их волнует одно – когда фрейлейн Мейер получит новый ангажемент. Этот вопрос сильно интересует фрейлейн Шрёдер, потому что фрейлейн Мейер запаздывает с оплатой.

В хорошую погоду на углу Моцштрассе возле балаганчика стоит оборванец с постоянно мигающими глазами. Справа и слева от него развешаны астрологические карты и восторженные письма от благодарных клиентов. Фрейлейн Шрёдер ходит к нему на консультацию, когда есть чем заплатить. В сущности, он играет главную роль в ее жизни. В отношении к нему лесть и угрозы поочередно сменяют друг друга. Если хорошее предсказание сбывается, она может поцеловать его, пригласить на обед и купить ему золотые часы; если нет – может схватить его за горло, дать пощечину, пожаловаться в полицию. Среди прочего астролог предсказал ей выигрыш в Прусской Государственной лотерее. Пока что ей не везет. Но она все время прикидывает, что будет делать с этими деньгами. Мы все, конечно же, получим подарки. Я – шляпу, так как фрейлейн Шрёдер считает совершенно неприличным для господина с моим образованием ходить без шляпы.

Если фрейлейн Шрёдер не раскладывает пасьянс, фрейлейн Мейер во время чаепития рассказывает ей о прошлых театральные триумфах:

– Импресарио говорит мне: «Фрици, ты нам послана небом! Моя прима заболела. Сегодня ты отправляешься в Копенгаген». И главное, отказа он не принимал. «Фрици, – (он всегда называл меня так), – Фрици, ты же не хочешь подвести старого друга?» Так все и шло...

Фрейлейн Мейер мечтательно прихлебывает чай:

- Очаровательный человек. И такой воспитанный.

Она улыбается:

- Немножко фамильярный, но он всегда знал, где и как себя вести.

Фрейлейн Шрёдер охотно кивает, жадно вслушиваясь в ее слова, упиваясь ими:

- Думаю, эти импресарио – сущие бестии (не хотите ли еще колбаски, фрейлейн Мейер?).

- Благодарю вас – малюсенький кусочек. Да, некоторые из них... вы не поверите! Но я всегда держалась очень строго. Даже когда была девушкой.

Кожа голых мясистых рук фрейлейн Мейер начинает покрываться неаппетитной рябью. Она выпячивает челюсть:

- Я баварка, а баварцы никогда не прощают оскорблений.

Вчера, зайдя в столовую, я обнаружил, что обе женщины лежат на животе, прижав ухо к ковру. Время от времени они переглядывались и обменивались довольными ухмылками или игриво подталкивали друг друга, одновременно восклицая: «Ш-ш-ш...»

- Слышите, – прошептала фрейлейн Шрёдер, – он сокрушит мне всю мебель!

- Он всю ее поломает, – взывала фрейлейн Мейер.

- Эй! Вы только послушайте.

- Ш-ш-ш!..

- Ш-ш!

Фрейлейн Шрёдер просто превзошла себя. Когда я спросил, в чем дело, она вскочила, переваливаясь, подошла ко мне и, взяв меня за талию, попыталась закружить в вальсе.

– Герр Исиву! Герр Исиву! Герр Исиву! – Тут она остановилась, чтобы перевести дух.

– Что случилось? – спросил я.

– Ш-ш! Тише! Они снова начали! – доложила фрейлейн Мейер.

В квартире под нами живет некая фрау Глантернек. Она из галицийских евреев – этого достаточно, чтобы фрейлейн Мейер считала ее врагом. Кроме того, встретившись однажды на лестнице, они повздорили из-за пения фрейлейн Мейер. Возможно, потому, что она не арийка, фрейлейн Глантернек сказала, что кошачий концерт и тот приятнее пения фрейлейн Мейер, то есть оскорбила не просто певицу, но всех баварцев, всех немецких женщин. И фрейлейн Мейер сочла своим долгом отомстить за них.

Две недели назад соседям стало известно, что фрау Глантернек, которая в свои шестьдесят лет страшна, как смертный грех, поместила в газете брачное объявление. Более того, появился претендент на ее руку – вдовый мясник из Галле. Он видел фрау Глантернек и тем не менее готов был жениться на ней. Вот тут и появилась возможность отомстить. Окольными путями фрейлейн Мейер выяснила имя и адрес мясника и написала ему анонимное письмо. Знает ли он, что у фрау Глантернек: а) в квартире клопы, б) что она была арестована по обвинению в подлоге, но была освобождена, так как ее признали ненормальной, в) что она сдавала свою спальню в дурных целях и после этого спала в постели, не поменяв белья?

Теперь мясник с этим письмом прибыл к фрау Глантернек. Их обоих можно было слышать вполне отчетливо – рычание разъяренного пруссака и пронзительные крики еврейской дамы. То и дело раздавались тяжелые глухие удары кулака по дереву и иногда звон стекла. Гвалт этот длился больше часа.

Сегодня утром мы узнали, что соседи пожаловались привратнице, а фрау Глантернек видели с подбитым глазом. Помолвка расторгнута.

Жители нашей улицы уже узнают меня. В бакалейной лавке люди больше не оборачиваются на мой английский акцент, когда я прошу взвесить фунт масла. После наступления темноты три проститутки на углу уже не шепчут мне приглушенно «Komm, S??er»[1 - Пойдем, сладкий (нем.)]. (Здесь и далее примеч. перев.), когда я прохожу мимо.

Этим трем уже за пятьдесят. Они и не пытаются скрыть свой возраст, – не злоупотребляют ни пудрой, ни румянами. Одеты они в мешковатые, старые шубы, длинные юбки и шляпы, как у почтенных дам.

Я случайно упомянул о них при Бобби, и он объяснил мне, что женщины этого сорта нередко имеют спрос. Многие мужчины среднего возраста предпочитают их девочкам. Эти женщины ухитряются даже завлекать подростков. Мальчишка стесняется своих сверстниц, но не боится женщин в возрасте, годящихся ему в матери. Как большинство барменов, Бобби – великий знаток в сексуальных вопросах.

На днях я зашел к нему в бар.

Было еще рано, около девяти вечера, когда я пришел в «Тройку». Бар оказался больше и шикарнее, чем я предполагал. Швейцар с косичкой, как у эрцгерцога, подозрительно оглядывал мою непокрытую голову, пока я не заговорил с ним по-английски. Красивая девушка в раздевалке настаивала, чтобы я снял пальто. Она ведь не знала, что оно прикрывает страшные пятна на моих мешковатых фланелевых брюках. Мальчик-слуга в белой куртке, сидевший у стойки, не поднялся, чтобы открыть внутреннюю дверь. Бобби, к моему облегчению, был на месте за голубовато-серебряной стойкой. Я подошел к нему как к старому приятелю. Он приветствовал меня с исключительным дружелюбием:

– Добрый вечер, мистер Ишервуд. Очень рад видеть вас.

Я заказал пива и уселся в углу, откуда видна была вся комната.

– Как идут дела? – спросил я.

Измученное заботами, припудренное лицо полуночника Бобби посерьезнело. Он наклонился ко мне через стойку с лестной доверительностью.

– Не так уж хорошо, мистер Ишервуд. Публика теперь приходит такая... Вы не поверите! Год назад мы бы просто выбросили их отсюда. Они заказывают только пиво и считают, что имеют право торчать тут весь вечер.

В голосе его звучала сильнейшая горечь. Мне стало неловко.

– Что будешь пить? – виновато спросил я, быстро проглатывая пиво, и добавил, чтобы сразу внести ясность: – Я бы выпил виски с содовой.

Бобби ответил, что он, пожалуй, тоже.

Помещение было почти пустым. Я рассматривал немногих посетителей, пытаюсь оценить их глазами Бобби. Три привлекательные, хорошо одетые девушки сидели у стойки; та, что ближе ко мне, была особенно элегантна и могла принадлежать к любой нации. Случайно до меня долетело несколько слов из ее разговора с другим барменом. Она говорила на характерном берлинском диалекте о том, что устала и что ей все надоело. Уголки рта были опущены. К ней подошел молодой человек и вступил в разговор. Красивый широкоплечий юноша в хорошо сидящем смокинге, он мог быть старшекласником какой-нибудь привилегированной английской школы на каникулах.

Видно, девушка сделала ему вполне определенное предложение. Он ответил: «Только не со мной», – усмехнулся и сделал резкий уличный жест.

Я оглядел бар.

Мальчик-слуга в белой куртке разговаривал с пожилым служителем уборной. Мальчик что-то сказал, засмеялся и вдруг широко зевнул. Три музыканта на сцене болтали, очевидно ожидая, когда соберется публика, для которой стоит играть. Мне показалось, что за одним столом сидит вполне достойный посетитель – видный мужчина с усами. Через минуту, однако, я поймал его взгляд, он слегка поклонился, и я понял, что это, должно быть, директор.

Открылась дверь. Вошли две пары. Женщины в возрасте с толстыми ногами, стриженные и в дорогих вечерних туалетах. Мужчины – апатичные, бледные, возможно голландцы. Здесь, несомненно, пахло деньгами. Через секунду «Тройка» преобразилась.

Директор, мальчик-слуга и служитель уборной одновременно поднялись со своих мест. Служитель исчез. Директор что-то яростно прошипел разносчику сигарет, и тот тоже исчез. Затем, кланяясь и улыбаясь, он подошел к столику, за который сели гости, и пожал руки обоим мужчинам. Вновь появился разносчик сигарет с подносом в сопровождении официанта, торопившегося с картой вин. Тем временем три оркестранта схватились за инструменты. Девушки у стойки, улыбаясь, повернулись на своих табуретах. К ним подошли жиголо, как к совершенно незнакомым, вежливо поклонились и церемонно пригласили их на танец. Разносчик сигарет, сдержанно улыбаясь и покачиваясь, как цветок, пересек зал, неся поднос с сигаретами: «Zigarren! Zigaretten!»[2 - Сигары, сигареты (нем.)] Голос у него был смешливый, дикция четкая, как у актера. И тем же тоном, только чуть громче, насмешливо, радостно, так, чтобы все слышали, официант потребовал у Бобби выпивку.

С нелепой педантичной серьезностью танцующие выполняли фигуры, придавая максимум значения каждому своему шагу. Но вот саксофонист, оставив инструмент, взял микрофон и, подойдя к краю эстрады, запел популярную песенку:

Вы будете смеяться,

Но я люблю

Свою собственную жену.

Он пел только для нас, как бы включая нас всех в круг конспираторов, тонко намекая на что-то известное только нам, вращая глазами в эпилептической пантомиме, выражавшей предельную радость. Бобби – учтивый, елейный, помолодевший лет на пять – держал в руках бутылку. А в это время два апатичных господина беседовали, вероятно, о бизнесе, не замечая ночной жизни, которую они привели в движение; их дамы сидели молча; казалось, они обижены и смущены – к тому же было видно, что им ужасно скучно.

Фрейлейн Хиппи Бернштейн – моя первая ученица – живет в Грюневальде, в доме, построенном почти целиком из стекла. Большинство богатых берлинских семей почему-то обосновались в Грюневальде. Их виллы, построенные с уродливой роскошью, начиная с эксцентричного рококо и кончая кубистскими коробками из стали и стекла с плоской крышей, теснятся в сыром, мрачном

сосновом лесу. Лишь немногие из богачей могут завести большой сад – земля здесь баснословно дорогая; единственный вид из окон – задний двор соседнего дома, огороженный проволочной сеткой.

Из-за страха перед грабителями и революцией жизнь этих несчастных проходит как бы в постоянной осаде. У них нет ни личной жизни, ни возможности позагорать. Район этот достоин называться трущобами для миллионеров.

Когда я позвонил у садовых ворот, молодой лакей вышел с ключом от дома в сопровождении огромной рычащей овчарки.

– Пока я рядом, она вас не укусит, – с ухмылкой заверил он меня.

В холле особняка Бернштейнов двери обиты металлом, а к стене, как на пароходе, болтами привинчены часы. Здесь же висят лампы в стиле модерн в форме барометров, термометров и телефонных дисков. Холл напоминает электростанцию, которую инженеры попытались благоустроить, позаимствовав стулья и столы из старомодного и весьма респектабельного пансиона. На голых металлических стенах развешаны глянцевые пейзажи XIX века в массивных золотых рамах. Герр Бернштейн, вероятно не подумав, заказал виллу модному архитектору-авангардисту, потом пришел в ужас от его творчества и решил насколько возможно скрасить постройку семейными реликвиями.

Фрейлейн Хиппи – полная, симпатичная девушка девятнадцати лет с шелковистыми каштановыми волосами, красивыми зубами и огромными волоокими глазами. Она смеется ленивым, самодовольным смехом, а еще у нее прекрасная, уже сформировавшаяся грудь. По-английски она говорит, как все школьницы, с легким американским акцентом, но вполне прилично, и весьма этим довольна. У нее есть одно определенное желание: не утруждать себя занятиями. Когда я робко предлагал ей план уроков, она поминутно перебивала меня, угощая шоколадом, кофе и сигаретами.

– Извините, здесь нет фруктов. – Улыбаясь, она сняла телефонную трубку: – Анна, пожалуйста, принесите нам несколько апельсинов.

Когда пришла горничная с апельсинами, несмотря на мои протесты, меня заставили по всем правилам этикета отведать разных яств. Это сняло последний налет педагогики. Я чувствовал себя полицейским, которого кормит на кухне

хорошенькая кухарка. Фрейлейн Хиппи сидела и наблюдала за тем, как я ем.

– Пожалуйста, расскажите мне, как вы очутились в Германии?

Я вызываю у нее любопытство, но смотрит она на меня, как баран на новые ворота. И не так уж жаждет, чтобы эти ворота открылись. Я ответил, что Германия кажется мне очень интересной страной:

– Политическое и экономическое положение в Германии, – уверенно импровизировал я менторским тоном, – интересней, чем в любой другой европейской стране. Не считая России, – добавил я в порядке эксперимента.

Но фрейлейн Хиппи никак не отреагировала. Только вежливо улыбнулась.

– Мне кажется, вам здесь будет скучно. В Берлине у вас не слишком много друзей, так ведь?

Видимо, именно это и занимало ее.

– А у вас есть знакомые барышни?

Тут раздался звонок домашнего телефона. Лениво улыбаясь, она взяла трубку, но, казалось, не собиралась внимать голосу, исходившему из нее. Зато я явственно слышал фрау Бернштейн, звонившую из соседней комнаты.

– Ты забыла здесь свою красную книгу? – повторила фрейлейн Хиппи с усмешкой и улыбнулась мне, словно приглашая принять участие в шутке.

– Нет, я не вижу ее. Должно быть, она в кабинете. Позвони папе. Да, он сейчас работает.

Она жестом предложила мне еще один апельсин. Я вежливо покачал головой. Мы оба улыбнулись.

– Мамуля, а что у нас сегодня на ланч? Да? Правда? Великолепно!

Она повесила трубку и вновь принялась за свой допрос:

- Do you know no nice girls?

- Any nice girls... - поправил я ее уклончиво. Но фрейлейн Хиппи только улыбнулась, дожидаясь ответа на вопрос.

- Да, одну, - ответил я, вспомнив фрейлейн Кост.

- Только одну. - Она с комическим удивлением подняла брови. - А скажите мне, пожалуйста, как вы считаете, немецкие девушки отличаются от английских?

Я покраснел.

- Вы считаете, что немецкие девушки... - начал я ее поправлять, мгновенно сообразив, что не знаю, как правильно сказать: отличаются или различаются.

- Как вы считаете, немки отличаются от англичанок? - спросила она, настойчиво улыбаясь.

Я покраснел так, как никогда прежде.

- Да. Сильно отличаются, - ответил я дерзко.

- А чем они отличаются?

К счастью, зазвонил телефон. Звонил кто-то с кухни, чтобы сообщить, что ланч будет на час раньше, чем обычно. Герру Бернштейну необходимо быть в городе.

- Мне так жаль, - сказала фрейлейн Хиппи, встав, - но сейчас нам пора закругляться. А вы придете к нам в пятницу? Тогда до свидания, мистер Ишервуд. Я очень вам признательна.

Она порылась в своей сумочке и протянула мне конверт, который я неуклюже сунул в карман и разорвал его, лишь отойдя от дома Бернштейна на приличное расстояние. В нем была монетка в пять марок. Я подкинул ее вверх, уронил,

поднял, потом закопал в песок и побежал к остановке, напевая и поддавая ногой камешки. Мне было ужасно неловко, и все же настроение поднялось, словно я успешно осуществил мелкую кражу.

Это пустая трата времени – даже делать вид, что учишь фрейлейн Хиппи. Не зная английского слова, она вставляет немецкое. Я поправляю ее, она снова повторяет свою ошибку. Конечно, я рад, что она такая лентяйка, но только боюсь, как бы фрау Бернштейн не обнаружила, что ее дочь мало продвинулась в учебе. Впрочем, это маловероятно. Большинство богачей, однажды решившихся довериться вам, можно сколько угодно водить за нос. Единственная настоящая трудность для частного репетитора – попасть в дом.

Что касается Хиппи, она вроде бы рада, когда я прихожу. Из ее слов, сказанных на днях, я понял, что она хвастает перед школьными подругами тем, что к ней пригласили в учителя настоящего англичанина. Мы прекрасно понимаем друг друга. Мне дают взятки в виде фруктов, чтобы я не слишком докучал ей своим английским, она, со своей стороны, уверяет родителей, что лучшего учителя она в жизни не встречала. Мы сплетничаем по-немецки обо всем, что ее интересует. Каждые три-четыре минуты нас прерывают, и она играет свою роль в семейной игре, обмениваясь по телефону ничего не значащими фразами.

Хиппи ничуть не беспокоится о будущем. Как все берлинцы, в разговоре она то и дело обращается к политической ситуации, но всегда небрежно, со светской меланхоличностью в голосе, как иногда говорят о религии. Она хочет поступить в университет, путешествовать, весело проводить время и, наконец, выйти замуж. У нее уже куча знакомых молодых людей. Целыми часами мы обсуждаем их. У одного чудесная машина. У другого – аэроплан. Третий дрался на семи дуэлях. Четвертый нашел способ одним ударом вырубать уличные фонари. Однажды ночью, возвращаясь домой с танцев, они с Хиппи вырубали все фонари в округе.

Сегодня ланч у Бернштейнов рано. Поэтому меня пригласили на него вместо урока. Вся семья в сборе: фрау Бернштейн – статная и безмятежная, герр Бернштейн – маленький, верткий и лукавый. Есть еще младшая сестра, школьница двенадцати лет, очень толстая. Она все ела и ела, совершенно не обращая внимания на шутки Хиппи, мол, смотри не лопни. Казалось, они все очень любят друг друга. Такая уютная старомодная семья. За столом произошел небольшой семейный спор, так как герр Бернштейн не хотел, чтобы его жена

ехала за покупками на машине. Последнее время в городе бесчинствуют нацисты.

– Если хочешь, поезжай на трамвае, – сказал герр Бернштейн. – Я не хочу, чтобы они забросали камнями мою красивую машину.

– А если они начнут бросать камни в меня? – добродушно спросила фрау Бернштейн.

– Ну, это совсем другое дело. Если они будут бросать камни в тебя, я куплю тебе пластырь. Это будет стоить гроши. Но если они начнут бросать камни в машину, это мне обойдется, вероятно, в пятьсот марок.

Так вопрос был решен. Тогда герр Бернштейн обратился ко мне.

– Вы не можете пожаловаться, что тут плохо относятся к вам, молодой человек. Мы не только угощаем вас хорошим обедом, но еще и платим за него!

По выражению лица Хиппи я понял, что это уже слишком даже для Бернштейнов, поэтому рассмеялся и сказал: «Может, вы мне будете приплачивать за каждую порцию?» Герр Бернштейн развеселился и принял мою шутку как должное.

Несколько дней назад в нашем доме произошел грандиозный скандал.

Все началось с того, что фрейлейн Кост пришла к фрейлейн Шрёдер и объявила, что у нее украли пятьдесят марок. Она была ужасно расстроена, особенно потому, – объясняла она, – что деньги были отложены для уплаты за квартиру и телефон. Бумажка в пятьдесят марок лежала в ящике комода, стоящего прямо у двери.

Первое, что предположила хозяйка, – деньги украл какой-нибудь клиент фрейлейн Кост, на что та возразила, что это невозможно, так как никто не посещал ее уже три дня. Более того, она уверена в своих друзьях. Они приличные господа, и жалкие пятьдесят марок для них – просто пустяк! Тут фрейлейн Шрёдер пришла в ярость.

- Она, очевидно, намекает, что это сделал кто-то из нас. Ну и наглость! Послушайте, герр Исиву, верите ли, но я чуть не разорвала ее на мелкие кусочки!

- Да, фрейлейн Шрёдер. Уверен, что вы могли бы.

После этого фрейлейн Шрёдер высказала следующую мысль: деньги вообще не похитили, а фрейлейн Кост это выдумала, чтобы не платить за квартиру. Она так упорно обвиняла фрейлейн Кост, что та взъерепенилась и заверила фрейлейн Шрёдер, что обязательно достанет деньги через несколько дней и в конце месяца съедет отсюда.

Тем временем я случайно обнаружил, что у фрейлейн Кост роман с Бобби. Однажды вечером, вернувшись домой, я случайно заметил, что в ее комнате темно. Это всегда видно - в двери вставлены матовые стекла, чтобы освещать коридор. Позже, когда я уже лежал в постели и читал, я услышал, как открылась ее дверь, раздался смех и приглушенный голос Бобби. После долгого скрипа половиц и сдавленного смеха Бобби на цыпочках вышел из комнаты, тихонько прикрыв за собой дверь. Через минуту он вновь с шумом вошел и пересек гостиную, потом я услышал, как он пожелал фрейлейн Шрёдер спокойной ночи.

Если фрейлейн Шрёдер и не знает об этом, то по крайней мере подозревает. Этим и объясняется ее яростная вспышка - она ведь страшно ревнива. И проявляется это порой очень комично и даже непристойно. Как-то утром я хотел принять ванну, но там уже мылась фрейлейн Кост. Фрейлейн Шрёдер бросилась к дверям, прежде чем я успел остановить ее, и приказала фрейлейн Кост немедленно выйти, и когда та, естественно, не послушалась, фрейлейн Шрёдер начала дубасить в дверь кулаками.

- Выйди немедленно, или я позову полицию, чтобы тебя вытащили оттуда!

После этого она разрыдалась. Слезы вызвали сильное сердцебиение. Пришлось Бобби перенести ее на диван, задыхающуюся и всхлипывающую. Пока мы беспомощно топтались вокруг, в дверях появилась фрейлейн Мейер с видом палача и, обращаясь к фрейлейн Кост, жутким голосом провозгласила:

- Считайте, что вам повезло, моя милая, если вы не убили ее!

Затем она взяла дело в свои руки, приказала всем убраться из комнаты и послала меня в бакалейную лавку за сердечными каплями. Когда я вернулся, она сидела на диване, поглаживая руку фрейлейн Шрёдер и бормоча трагическим голосом:

– Лина, бедная моя крошка... что они с тобой сделали?

2. Салли Боулз

Однажды днем в начале октября Фриц Вендель пригласил меня к себе на чашку черного кофе. Фриц всегда приглашал именно на «черный кофе». Своим кофе он очень гордился. Говорили, что он самый крепкий во всем Берлине. Фриц был одет в свой обычный «кофейный» костюм – толстый белый свитер и легкие голубые фланелевые брюки. Он приветствовал меня, растянув в улыбке свои полные, сочные губы.

– А, это ты, Крис!

– Привет, Фриц. Как поживаешь?

– Отлично. – Он склонился над кофеваркой, и лоснящиеся, сильно надушенные волосы упали прямо на лицо. – Только вот эта старая дребедень не работает, – добавил он.

– Ну, а в остальном? – спросил я.

– Мерзко и паршиво, – хмыкнул Фриц. – То ли заключать новый контракт в следующем месяце, то ли идти в жиголо.

– Заключаю или иду, – поправил я его по профессиональной привычке.

– Я сейчас скверно разговаривает по-английски, – произнес Фриц, самодовольно растягивая слова. – Салли говорит, что, может быть, даст мне несколько уроков.

– Кто это, Салли?

– А... совсем забыл, что ты не знаком с Салли. Это я виноват. Короче, сегодня днем она собиралась сюда идти.

– А она хорошенькая?

Вместо ответа он закатил черные глаза и подал ароматизированную сигарету из фирменной банки.

– Восхитительная! – протянул он. – Короче, я без ума от нее.

– А кто она? Чем занимается?

– Англичаночка, актриса, поет у «Леди Уиндермир». Штучка с перцем, поверь мне.

– Не очень похоже на английскую девушку, я бы сказал.

– В ней есть французская кровь. Мать у нее француженка.

Несколько минут спустя появилась Салли собственной персоной.

– Милый Фриц, я ужасно опоздала?

– Нет, дорогая, всего на полчаса, – сияя от радости, откликнулся Фриц. – Хочу тебе представить мистера Ишервуда. Знакомься. Все зовут его Крисом.

– Отнюдь, – сказал я. – Кроме Фрица, никто меня так не называет.

Салли расхохоталась. На ней было черное шелковое платье с пелеринкой, а маленький берет, лихо заломленный на бок, придавал сходство с пажом.

– Ты не возражаешь, если я воспользуюсь твоим телефоном, милый?

– Конечно, давай, действуй. – Фриц поймал мой взгляд. – А мы, Крис, пойдем в другую комнату. Я тебе кое-что покажу. – Очевидно, ему не терпелось услышать мое мнение о его новой пассии.

– Бога ради, не оставляй меня одну с этим человеком! – воскликнула она. – Не то он соблазнит меня прямо по телефону. Вид у него ужасно страстный.

Когда она набирала номер, я заметил, что лак на ногтях у нее изумрудно-зеленый, цвет она выбрала весьма неудачно, он невольно привлекал внимание к рукам, желтым от табака и грязным, как у маленькой замарашки. Смуглая, она вполне могла сойти за сестру Фрица. Продолговатое, с тонкими чертами лицо было напудрено до белизны. Огромные карие глаза могли бы быть и темнее, под цвет волос и бровей, подведенных черным карандашом.

– Приветик, – проворковала она, вытягивая свои изумительные вишневые губы, словно желая поцеловать трубку. – Ist das Du, mein Liebling? – Рот ее приоткрылся в глуповато-милой улыбке. Фриц и я сидели, глядя на нее, словно на представлении в театре. – Was wollen wir machen, Morgen Abend? Oh, wie wunderbar... Nein, nein, ich werde bleiben Heute Abend zu Hause. Ja, ja, ich werde wirklich bleiben zu Hause... Auf Wiedersehen, mein Liebling... [З - Это ты, мой сладкий? Ну, что мы будем делать завтра вечером? Как это замечательно! Нет, нет, сегодня вечером я буду дома. Да-да, вечером я, правда, останусь дома. До свиданья, милый... (нем.).]

Она повесила трубку и с торжествующим видом повернулась к нам.

– С ним я провела вчера ночь, – объявила она. – Любовник он потрясающий, а уж в бизнесе ему равных нет, к тому же сказочно богат. – Она подошла, уселась на диван рядом с Фрицем и, откинувшись на мягкие подушки, вздохнула: – Дорогой, не нальешь мне кофейку? Я просто умираю от жажды.

Разговор вскоре перешел на излюбленную тему Фрица: лу-у-бовь. Так он коверкал это слово.

– Примерно раз в два года, – рассказывал он нам, – у меня непременно случается бурный роман.

– Ну и когда же был последний? – спросила Салли.

– Ровно год и одиннадцать месяцев назад. – И Фриц окинул ее сладострастным взглядом.

– Неужели? Какое совпадение. – Салли сморщила нос и засмеялась серебристым театральным смехом. – Ну, расскажи мне, что это было?

Тут Фриц, естественно, поведал нам всю историю своей жизни. Мы выслушали, как его совратили в Париже, узнали подробности короткого флирта в Лас-Палмесе и четырех больших романов, случившихся в Нью-Йорке. Мы узнали о разочаровании, постигшем его в Чикаго, о победе в Бостоне, о кратком отдыхе и новых парижских увлечениях, чудесном приключении в Вене, о том, как он утешился в Лондоне и, наконец, о берлинской эпопее.

– Знаешь, дорогой Фриц, – сказала Салли, сморщив нос. – Наверное, у тебя все не ладится оттого, что тебе не встретишься женщина, которая тебе нужна.

– Может, ты и права. – Фриц воспринял ее слова всерьез. Его черные глаза увлажнились – видно, расчувствовался. – Может быть, я все еще ищу свой идеал.

– Когда-нибудь ты найдешь его, я совершенно уверена. – Подсмеиваясь над Фрицем, Салли взглянула на меня, как бы вовлекая в игру.

– Ты так считаешь? – Фриц плотоядно осклабился и метнул в ее сторону неотразимый взгляд.

– А как ты думаешь? – обратилась она ко мне.

– Честно говоря, не знаю, – сказал я. – Я никогда не мог понять, какой у Фрица идеал.

Неизвестно почему, но мой ответ порадовал Фрица. Он принял его как авторитетное свидетельство.

– Крис знает меня совсем неплохо, – ввернул он. – Если уж Крис не знает, кто мне нужен, то остальные и подавно.

Салли пора было уходить.

– У меня на пять назначено свидание с одним человеком в «Адлоне», – объяснила она, – а сейчас уже шесть! Впрочем, старому хрычу только на пользу пойдет, если он подождет меня. Он хочет сделать меня своей любовницей, но я сказала, что пока он не заплатит все мои долги, этому не бывать. Черта с два! И почему мужчины такие скоты? – Открыв сумочку, она быстро подвела губы и брови. – Кстати, Фриц, дорогой, будь ангелом, одолжи мне десять марок, а то мне даже за такси нечем заплатить.

– С удовольствием! – Фриц сунул руку в карман и мужественно, без малейших колебаний отсчитал ей всю сумму. Салли обернулась ко мне. – Послушай, может, как-нибудь зайдешь на чашку чая? Дай телефон, я тебе как-нибудь звякну.

«Небось вообразила, будто у меня водятся деньги, – подумал я. – Что ж, это будет ей хорошим уроком раз и навсегда».

Я оставил свой телефонный номер в крошечной записной книжке, и Фриц проводил Салли вниз.

Он бегом примчался обратно и с ликующим видом закрыл дверь.

– Ну, Крис, как она тебе? Красотка, правда?

– Хороша, ничего не скажешь.

– Я в нее с каждым разом все больше втюриваюсь! – Со вздохом наслаждения он потянулся за сигаретой. – Еще кофе, Крис?

– Нет, большое спасибо.

– А знаешь, Крис, по-моему, ты ей тоже приглянулся.

– Да ну, брось.

– Правда, так и есть! – Фриц как будто был доволен. – Короче, мы теперь часто будем ее видеть.

К фрейлейн Шрёдер я вернулся с таким головокружением, что пришлось с полчаса проваляться в постели. Черный кофе Фрица, как обычно, сразил наповал.

Несколько дней спустя Фриц пригласил меня послушать, как поет Салли. «Леди Уиндермир» – полупрофессиональный богемный кабачок (его, говорят, уже давно прикрыли), был расположен тогда совсем рядом с Таузенштрассе. Владелица явно старалась превратить свое заведение в уголок Монпарнаса: по стенам были развешаны рисунки, выполненные прямо на меню, карикатуры, фотографии театральных знаменитостей с автографами типа: «Единственной и неповторимой леди Уиндермир».

Над стойкой был укреплен огромный, раза в четыре больше обычного, веер, а в центре, на возвышении, стоял огромный рояль.

Мне было любопытно посмотреть, как Салли держится на сцене. Я почему-то думал, что она будет нервничать, но она была совершенно спокойна. Голос у нее оказался на удивление глубоким, с хрипотцой. Пела она плохо, без всякого чувства, руки висели как плети. Представление по-своему впечатляло благодаря ее броской, яркой внешности и выражению лица, на котором было написано: «А мне плевать, что вы там думаете». И она пела:

Лелеяла мама

Пустые мечты:

Мне в пару искала

Такого, как ты.

После первой песенки Салли довольно долго хлопали. Пианист, светловолосый кудрявый красавец, встал и торжественно поцеловал ей руку. Потом она исполнила еще две песни: одну по-французски, другую по-немецки. Они были приняты более сдержанно.

После пения ей еще долго целовали руки, а потом все ринулись в бар. Салли, видимо, знала тут всех и каждого. Она обращалась ко всем на «ты», а то и «дорогой мой». Для царицы полусвета ей явно не хватало такта и практической сметки. Она лишь впустую потратила время, пытаясь обворожить пожилого

господина, который явно предпочитал ей беседу с барменом. К концу вечера мы все порядком напились. Салли заторопилась на свидание, а к нам за столик подсел управляющий. Он беседовал с Фрицем об английской аристократии. Мой спутник чувствовал себя как рыба в воде, а я опять, в который раз, дал себе слово больше никогда не посещать заведений подобного сорта.

Вскоре после этого вечера Салли, как мы условились, позвонила и пригласила меня на чашку чая.

Она жила на Курфюрстендамм, в последнем квартале, примыкающем к Халензее. Грузная неряшливая дама с тяжелым, отвисшим, как у жабы, подбородком, провела меня в большую, мрачную, убого обставленную комнату. В углу притулился сломанный диван и висела выцветшая картина, изображавшая сражение восемнадцатого столетия: раненые, полулежа в изящных позах, любовались гарцующим на коне Фридрихом Великим.

– Привет, Крис, дорогой! – воскликнула Салли еще в дверях. – Как здорово, что ты пришел! Я чувствовала себя ужасно одинокой. Я рыдала на груди у фрау Карпф. Nicht wahr, Frau Karpf? [4 - Не правда ли, фрау Карпф? (нем.)]– воззвала она к хозяйке с жабым подбородком.

Та рассмеялась сдавленным жабым смехом, и груди ее затряслись.

– Крис, может, выпьешь кофе или чай? – продолжала Салли. – Хотя, пожалуй, не стоит. Не знаю, как его заваривает фрау Карпф, наверное, сливает все опивки в одну посудину и кипятит вместе с заваркой.

– Ну, тогда кофе.

– Фрау Карпф, дорогая, не будете ли вы ангелом и не принесете ли нам две чашки кофе?

Салли говорила по-немецки не просто неправильно, а на каком-то своем, ни на что не похожем наречье. Каждое слово она произносила жеманно, с делано «иностранным» акцентом. По одному выражению лица можно было догадаться, что она говорит на чужом языке.

– Крис, дорогой, будь ангелом, опусти занавески, – сказала она. Я так и сделал, хотя на улице еще не совсем стемнело. Салли тем временем включила настольную лампу. Когда я, покончив с занавесками, оглянулся, Салли, свернувшись калачиком на диване, рылась в сумочке в поисках сигареты. Но тут же вновь вскочила. – Хочешь яичный коктейль?

Не дожидаясь ответа, она достала стаканы, яйца и бутылку вустерского соуса из шкафчика для обуви, стоявшего под разобранным умывальником. «Практически я питаюсь только ими». Ловким движением она разбила яйца в стаканы, добавила туда соус и взбила это месиво концом перьевой ручки.

– Это все, что я могу тебе предложить.

Она вновь свернулась калачиком, грациозно подобрала ноги. На ней было все то же черное платье, но на сей раз его украшала не пелерина, а маленький белый воротничок и белые манжеты. Ни дать ни взять монашка из какой-нибудь пышной постановки.

– Что тебя так рассмешило, Крис? – спросила она.

– Не знаю, – сказал я. Меня и в самом деле разбирал смех, я никак не мог остановиться. Было в ней что-то ужасно комичное: красавица с маленькой темной головкой, большими глазами, тонко очерченным носом, она ни на минуту не забывала о своих прелестях. Самодовольно женственная, она улеглась на диване. И как дикая горлица, склонила головку и изящно сложила руки.

– Крис, свинья, отвечай сейчас же, почему ты смеешься?

– Сам не знаю...

Тут она тоже начала смеяться.

– Ты просто чокнутый!

– И давно ты здесь обитаешь? – спросил я, окинув взглядом большую мрачную комнату.

– С тех пор, как приехала в Берлин. Постой, сейчас скажу точно, да, уже два месяца.

Я поинтересовался, что привело ее в Германию и с кем она сюда приехала. Оказалось, что с подругой, старше Салли, к тому же актрисой. Девушка уже бывала в Берлине и уверяла Салли, что они наверняка найдут работу на киностудии. Тогда Салли заняла десять фунтов у одного милого пожилого господина и присоединилась к ней.

Родители ничего не знали, пока они с подругой не добрались до Германии.

– Вот бы познакомить тебя с Дианой! Она самая потрясающая авантюристка в мире! Мужика может подцепить где угодно, даже не зная языка. Один из-за нее чуть со смеху концы не отдал. Я и сама ее обожала.

Но прожив в Берлине три недели, так и не получив работы, Диана подцепила банкира, который увез ее в Париж.

– И оставила тебя одну? Прямо скажем, с ее стороны это довольно подло.

– Не знаю... Каждый должен сам решать свои проблемы. На ее месте я, скорее всего, поступила бы точно так же.

– Уверен, что нет.

– Ну, оставила и оставила, ничего со мной не случилось. Я и одна не пропаду.

– Сколько тебе лет, Салли?

– Девятнадцать.

– Боже милостивый! А я думал, лет двадцать пять!

– Знаю, так все думают.

Вошла фрау Карпф с двумя чашками кофе на тусклом металлическом подносе.

- Oh, Frau Karpf, Liebling, wie wunderbar von Dich! [5 - О, фрау Карпф, дорогая, как это мило с вашей стороны! (нем.)]

- Что тебя держит в этом доме? - спросил я, когда хозяйка вышла. - Уверен, ты вполне можешь найти что-нибудь попримечнее этой дыры.

- Найти, конечно, можно.

- Так за чем же дело стало?

- Не знаю. Наверное, мне просто лень.

- Сколько ты платишь хозяйке?

- Восемьдесят марок в месяц.

- Включая завтраки?

- Нет, по-моему, нет.

- Что значит «по-моему»? - рассердился я. - Ты ведь должна знать наверняка.

Салли отозвалась как-то вяло:

- Ну да, наверное, с моей стороны это глупо. Но, видишь ли, я просто даю старухе деньги, когда они заводятся, а потом не разберешься, сколько и за что.

- Боже мой, Салли, я за свою комнату плачу всего пятьдесят марок в месяц, включая завтраки, но разве их можно сравнить!

Салли кивнула и продолжала извиняющимся тоном:

- Есть еще одно «но», дорогой Кристофер. Я просто не знаю, что бы фрау Карпф стала делать, если б я ее бросила. Ей ведь ни за что не найти другого жильца. Кто еще вынесет ее безобразие, вонь и все остальное. Она уже задолжала владельцам дома за три месяца. Если бы они узнали, что у нее нет ни одного

квартиранта, то вышвырнули бы ее в два счета. А этого она не переживет.

- Все равно не понимаю, почему ты должна жертвовать собой ради нее.

- Да ничем я не жертвую, правда. Мне нравится тут. Мы с фрау Карпф понимаем друг друга. Она более или менее такая, какой я буду лет через тридцать. Добропорядочная домовладелица меня бы и недели не держала.

- Моя хозяйка тебя бы не выгнала.

Салли, наморщившись, улыбнулась.

- Как тебе кофе, дорогой Крис?

- Лучше, чем у Фрица, - сказал я уклончиво.

Салли рассмеялась.

- А разве Фриц не мил? Я его обожаю, особенно когда он говорит: «Хотел я плевать».

- Черт, хотел я плевать, - попытался я изобразить Фрица. Мы расхохотались. Салли закурила еще одну сигарету: она непрерывно дымила. При свете лампы бросалось в глаза, какие у нее старые руки: нервные, с выпуклыми венами и очень худые - руки взрослой женщины. Зеленые ногти казались тут чужими, случайными и напоминали маленьких уродливых жучков с яркими спинками.

- Смешно, - задумчиво промолвила Салли, - я никогда не спала с Фрицем.

Она помедлила, потом спросила с нескрываемым интересом:

- А ты думал, мы спали?

- Пожалуй, да.

– А вот и нет. Ни разу... – Она зевнула. – Теперь уж, наверное, никогда и не будем.

Несколько минут мы молча курили. Потом Салли принялась рассказывать о своей семье. В Ланкашире у ее отца была мельница, а матери по наследству досталось поместье. Когда мать, мисс Боулз, вышла замуж, они с отцом соединили свои фамилии.

– Отец – жуткий сноб, – продолжала Салли, – хотя притворяется, что нет. Моя настоящая фамилия Джексон-Боулз, но, конечно же, для сцены это не годится.

– А Фриц говорил, кажется, что твоя мать француженка.

– Что за чепуха! – Похоже, Салли ужасно разозлилась. – Фриц идиот. Вечно он что-то выдумывает.

Еще у Салли была младшая сестра Бетти.

– Сущий ангел. Я ее обожаю. Ей уже семнадцать, но она сама невинность. Мама ее воспитывает как благородную барышню. Узнай Бетти, что за потаскуха ее сестра, она, наверное, умерла бы со стыда. Она о мужчинах понятия не имеет.

– Салли, в кого же это ты такая уродилась?

– Не знаю. Во мне, наверное, много от папаши. Тебе бы понравился мой папаша. Ему на всех ровным счетом наплевать, но делец он потрясающий. Примерно раз в месяц напивается в стельку и распугивает всех мамашиных благопристойных друзей. Это он разрешил мне поехать в Лондон и учиться играть на сцене.

– Школу небось бросила совсем девчонкой?

– Вот чего я всегда терпеть не могла. Я так подстроила, чтобы меня оттуда выгнали.

– Как ты ухитрилась?

– Взяла и сказала директорисе, что у меня будет ребенок.

– Не может быть, Салли.

– Честно, так и сказала. Был ужасный скандал. Они специально пригласили врача, чтобы он меня осмотрел, и послали за родителями. А когда оказалось, что ничего такого нет, все возмутились, что я их надула. Директриса сказала, что девушка, способная только помыслить о такой мерзости, не может оставаться в школе и совращать учениц. Так я вырвалась из школы, а потом стала капать папаше на мозги, чтобы он отпустил меня в Лондон, пока он наконец не сдался.

В Лондоне Салли обосновалась в дешевой студенческой гостинице. Несмотря на строгий надзор, ей удавалось проводить большую часть ночей у мужчин.

– Первый мой соблазнитель не понял, что я девственница, я ему потом призналась. Человек он был потрясающий, я его обожала. К тому же в комедийных ролях ему не было равных. Он еще прославится когда-нибудь.

Через некоторое время Салли стала сниматься в массовках и наконец получила небольшую роль в гастролирующей труппе. Потом она встретила Диану.

– А в Берлин ты надолго? – спросил я.

– Бог его знает. Работа у «Леди Уиндермир» всего на неделю. Я туда попала через человека, с которым познакомилась в «Иден Баре», он сейчас в Вене. Надо бы еще раз позвонить людям с киностудии. Есть еще один старый противный еврей, который иногда вытаскивает меня в свет. Все время обещает контракт, но на самом деле хочет только переспать со мной, старая свинья. Мужики в этой стране просто омерзительны. Ни гроша за душой и при этом считают, что ты им отдашься за плитку шоколада.

– И что же ты думаешь делать, когда теперешняя работа кончится?

– Ну, немного денег мне присылают из дома. Мамаша уже припугнула меня, что перестанет помогать, если я в скором времени не вернусь в Англию. Родители, разумеется, думают, что я здесь с подругой. Если бы мамаша только знала, что я осталась одна, ее бы точно хватил удар. Как бы то ни было, скоро у меня будет достаточно средств, чтобы себя прокормить. Для меня тянуть из них деньги – просто нож острый. Из-за кризиса дела у отца тоже плохи.

– Послушай, Салли, если у тебя будет совсем туго с деньгами, дай мне знать, хорошо?

Салли засмеялась.

– Очень мило с твоей стороны, Крис. Спасибо за заботу, но у друзей я обычно не одалживаю.

– Разве Фриц тебе не друг? – вырвалось у меня.

Но Салли, кажется, нисколько не обиделась.

– Я, конечно, ужасно люблю Фрица, но у него денег куры не клюют. А когда у людей много денег, к ним относишься совсем по-другому, сама не знаю почему.

– Откуда ты знаешь, может быть, у меня тоже куча денег.

– У тебя? – Салли зашлась от смеха. – Я поняла, что ты на мели, как только тебя увидела!

В тот день, когда Салли пришла ко мне на чашку чая, фрейлейн Шрёдер была сама не своя от волнения. По этому случаю она надела свое лучшее платье и завила волосы. Когда раздался звонок, она широко распахнула дверь и громко крикнула:

– Герр Исиву, к вам дама! – И многозначительно подмигнула. Я представил их друг другу. Хозяйку дома просто распирало от любезности. Она настойчиво обращалась к Салли «Gnädige Freulein» [б - Милостивая госпожа (нем.)]. Салли в беретке, как у пажа, засмеялась своим серебристым смехом и элегантно уселась на диван. Фрейлейн Шрёдер кудахтали вокруг нее с нескрываемым восхищением и любопытством. Очевидно, такие, как Салли, ей прежде не встречались. К чаю вместо обычных ломтиков бледного и неаппетитного пирога она подала огромное блюдо с пирожными-корзиночками, выложенными в форме звезды. Фрейлейн Шрёдер принесла нам две крошечные бумажные тарелки с дырочками по краям, образующими кружево. Позже, когда я благодарил ее за столь изысканный прием, она рассказала, что всегда подавала бумажные тарелки, когда герр Риттмейстер угощал свою невесту чаем.

– Уж в этом, герр Исиву, можете положиться на меня! Я знаю, как угодить молодой даме!

– Ты не возражаешь, если я лягу на диван, дорогой? – спросила Салли, как только мы остались одни.

– Конечно, нет.

Салли сняла беретку, уселась на диване, подобрала свои миниатюрные ножки в бархатных туфельках, открыла сумку и начала пудриться:

– Я так устала. Глаз не сомкнула прошлой ночью. У меня потрясающий новый любовник.

Я начал разливать чай. Салли искоса поглядывала на меня.

– Тебя не шокирует, когда я так говорю, дорогой Кристофер?

– Ничуть.

– Но тебе не нравится это слушать?

– Меня это не касается. – Я протянул ей стакан чая.

– Только, ради бога, не корчи из себя англичанина. Естественно, касается.

– Ну, если хочешь знать, слушать это довольно скучно.

Она разозлилась больше, чем я ожидал, и, сменив тон, холодно добавила:

– Думала, ты поймешь. – Она вздохнула. – Но я забыла – ты ведь мужчина.

– Извини, Салли. Я, конечно, мужчина, ничего не попишешь. Пожалуйста, не сердись. Я просто хотел сказать, что такие вещи слегка нервируют. Мне кажется, от природы ты застенчива, поэтому и держишься так вызывающе. Я

тебя понимаю, потому что и сам иногда поступаю точно так же... Только не нужно со мной этих штучек, я просто неловко себя чувствую. Даже если ты каждый раз будешь рассказывать мне, что спишь с каждым встречным и поперечным, тебе все равно не удастся выглядеть в моих глазах дамой с камелиями. Сама знаешь, что ты не такая.

– Мне тоже кажется, что я не такая. – Голос ее звучал настороженно. Она начала находить удовольствие в разговоре. Мне удалось невзначай польстить ей. – Тогда кто же я, дорогой Кристофер?

– Ты – дочь мистера и миссис Джексон-Боулз.

Салли потягивала чай.

– А... понимаю, что ты хочешь сказать... Может, ты и прав... Значит, ты считаешь, что я должна вообще спровадить всех любовников?

– Вовсе нет. Пока они доставляют тебе удовольствие.

– Разумеется, – помолчав, мрачно проговорила она, – я никогда не смешиваю работу и постель. Для меня работа важнее всего... Но я не верю, что женщина, у которой не было романов, может стать великой артисткой.

Внезапно она умолкла.

– Крис, почему ты смеешься?

– Я не смеюсь.

– Ты всегда надо мной смеешься. Ты считаешь меня форменной идиоткой?

– Ну что ты, Салли! Отнюдь. Люди, которые мне нравятся, часто вызывают у меня смех. Даже не знаю, почему мне хочется смеяться над теми, кто мне нравится.

– Значит, я тебе нравлюсь, да, дорогой Кристофер?

- Конечно, нравишься, Салли, разве ты не знала?

- Но ты не влюблен в меня?

- Влюблен? Ну нет, только не это.

- Я страшно рада. Я хотела тебе нравиться с первой нашей встречи. Но слава богу, что ты не влюблен в меня, потому что я, наверное, не могла бы ответить тебе, и все было бы испорчено.

- Что ж, значит, нам с тобой повезло!

- Может, и повезло... - Салли вдруг засомневалась. - Крис, милый... мне хочется тебе кое в чем признаться. Я не уверена, поймешь ли ты меня.

- Салли, помни, что я всего лишь мужчина.

Салли рассмеялась.

- Полный идиотизм. Но я бы не вынесла, если бы ты узнал об этом сам... Помнишь, на днях ты обмолвился, что Фриц тебе сказал, будто моя мать француженка?

- Да, помню.

- И я еще ответила, что это его выдумка. Так вот, ничего он не выдумал... Понимаешь, я сама сказала ему.

- Зачем?

Мы оба расхохотались.

- Черт его знает. Наверное, хотела поразить его воображение.

- Но что удивительного, если твоя мать француженка?

– Я иногда совершаю сумасбродства, Крис. Тебе придется быть терпеливым.

– Хорошо, Салли, буду терпеливым.

– Клянешься честью, что не скажешь Фрицу?

– Клянусь.

– Нарушишь клятву – будешь последней свиньей, – закричала Салли, смеясь и вытаскивая нож для разрезания бумаги из моего письменного стола. – Смотри, перережу тебе глотку, и дело с концом.

Потом я спросил у фрейлейн Шрёдер, как ей понравилась Салли. Та была в восторге:

– Как с картинки, герр Исиву. И такая изящная, такие красивые руки и ноги! Сразу видно, что она из высшего общества... Знаете, герр Исиву, я бы ни за что не поверила, что у вас есть такие приятельницы! Вы всегда казались мне тихоней...

– Ну, фрейлейн Шрёдер, в тихом омуте...

Она затряслась от смеха, раскачиваясь взад и вперед на коротеньких ногах.

– Вот именно, герр Исиву! Именно, в тихом омуте...

В Сочельник Салли переехала к фрейлейн Шрёдер. Все устроилось в последний момент. Подозрения Салли усилились после моих настойчивых предупреждений, и однажды она засекла фрау Карпф в особенно крупном и неуклюже обставленном воровстве. Тут Салли наконец отбросила все условности, возмутилась и съехала с квартиры. Ее поселили в бывшей комнате фрейлейн Кост. Фрейлейн Шрёдер, конечно, была в восторге.

Рождественский обед мы устроили дома: фрейлейн Шрёдер, фрейлейн Мейер, Салли, Бобби, еще один бармен из «Тройки» и я. Мы хорошо посидели. Бобби снова дерзко приударил за фрейлейн Шрёдер. Фрейлейн Мейер и Салли беседовали, как две звезды, обсуждали перспективы работы в английском

мюзик-холле. Салли рассказывала небылицы, в которые в тот момент, очевидно, почти верила: будто она выступала в «Палладиуме» и в лондонском «Колизее». На это фрейлейн Мейер поведала историю о том, как восторженные студенты провезли ее в экипаже по улицам Мюнхена. После чего Салли не составило труда уговорить фрейлейн Мейер исполнить песню *Sennerin Abschied von der Alm*. После кружона из красного вина и бутылки самого дешевого коньяка она оказалась столь созвучной моему настроению, что я даже прослезился. Мы все подхватили припев и дружно грянули: «Juch-he!» Потом Салли спела «Малышкин блюз» с таким чувством, что коллега Бобби, приняв все на свой счет, обнял ее за талию, но вмешался Бобби, тут же строго напомнив, что пора на работу.

И мы с Салли отправились в «Тройку», где встретили Фрица. С ним был Клаус Линке, молодой пианист, аккомпанировавший Салли у «Леди Уиндермир». Потом мы с Фрицем вышли. Фриц был подавлен и ни за что не хотел мне открыть почему. Какие-то девушки за прозрачным занавесом разыгрывали классические живые картины... Потом мы оказались в большом танцевальном зале, где на столах стояли телефоны. Велись обычные в таких случаях разговоры:

– Простите, мадам, судя по вашему голосу, вы очаровательная маленькая блондинка с длинными черными ресницами, мой тип женщины. Как я догадался? Ну, это тайна. Да, совершенно верно. Я высокий, темноволосый, широкоплечий, похож на военного, с крошечными усиками... Вы мне не верите? Тогда приходите и убедитесь сами!

Пары, обхватив друг друга за бедра, танцевали, выкрикивая что-то и обливаясь потом. Оркестранты в баварской национальной одежде улюлюкали, пили и потели от пива. В заведении воняло, как в зверинце. Потом я, кажется, заблудился и несколько часов кряду бродил по джунглям серпантина. А проснувшись наутро, обнаружил, что вся моя постель засыпана обрывками пестрых бумажных лент.

Я встал и уже оделся, когда Салли вернулась домой и напрямиком прошла в мою комнату. Выглядела она усталой, но была довольна собой.

– Привет, дорогой! Который час?

– Скоро ланч.

– Да что ты? Вот здорово! Я просто умираю от голода. Не завтракала, только кофе выпила.

Она замолчала в ожидании моего следующего вопроса.

– Где ты была? – спросил я.

– Но, дорогой! – Салли широко открыла глаза, изображая удивление. – Я думала, ты знаешь!

– Не имею представления.

– Брось притворяться! Кристофер, милый, как можно быть таким вруном! Ясное дело, что это ты все и подстроил. Как ты здорово спровадил Фрица! Он был такой сердитый! Мы с Клаусом чуть не померли от смеха.

И все же она была явно не в своей тарелке. Впервые я видел, как она покраснела.

– У тебя нет сигареты, Крис?

Я дал ей сигарету и зажег спичку. Она выдохнула большое облако дыма и медленно подошла к окну:

– Я в него не на шутку втюрилась.

Она повернулась, слегка нахмурившись, подошла к дивану и уютно свернулась на нем, поджав ноги и красиво сложив руки.

– По крайней мере, мне так кажется, – добавила она.

Я выдержал паузу, а затем спросил:

– А Клаус в тебя влюблен?

– Он меня обожает.

Салли была серьезна. Несколько минут она курила.

– Говорит, что влюбился в меня с первого взгляда. Мы встретились у «Леди Уиндермир». Но пока мы вместе работали, он не решался признаться. Он боялся, что это может повредить моей карьере. Он говорит, что пока не повстречался со мною, понятия не имел, до чего великолепно может быть человеческое тело. До меня у него было только три женщины...

Я закурил.

– Конечно, Крис, я не жду, чтобы ты понял... Это ужасно трудно объяснить...

– Да, всего не объяснишь.

– Я его увижу снова в четыре часа. – Голос у Салли звучал несколько вызывающе.

– В таком случае тебе стоило бы немного вздремнуть. Я попрошу фрейлейн Шрёдер сделать омлет или сам его приготовлю, если она еще не протрезвела. А ты ложись. Позавтракаешь в постели.

– Спасибо, Крис, милый. Ты ангел. – Салли зевнула. – И что бы я без тебя делала?

Теперь Салли и Клаус встречались каждый день. Обычно это происходило у нас, а однажды Клаус даже остался ночевать. Фрейлейн Шрёдер помалкивала, но мне и так было ясно, что она обескуражена. Не то чтобы ей не нравился сам Клаус: она как раз находила его очень привлекательным молодым человеком. Дело было в том, что она считала Салли моей подругой, и ей было больно видеть, что меня оттеснили. Однако я уверен, что если бы я ничего не знал о романе и Салли вздумала бы меня обманывать, фрейлейн Шрёдер с удовольствием приняла бы участие в этой игре на стороне Салли.

Между тем отношения с Клаусом у нас были натянутые. Если нам случалось столкнуться на лестнице, мы холодно раскланивались, как тайные враги.

Где-то в середине января Клаус вдруг уехал в Англию. Ему неожиданно предложили выгодную работу на киностудии. Когда он пришел прощаться, атмосфера в доме была такая, будто Салли предстояла тяжелая операция.

Фрейлейн Шрёдер и фрейлейн Мейер сидели в гостиной и раскладывали пасьянс. Позже фрейлейн Шрёдер уверяла меня, что карты легли как нельзя лучше: трижды выпадали восемь треф.

Весь следующий день Салли провела в комнате, свернувшись на диване, с карандашом и бумагой на коленях. Писала стихи, но мне не показывала. Курила сигарету за сигаретой, смешивала себе свои любимые коктейли, но, кроме нескольких кусочков омлета, за весь день ничего в рот не взяла.

- Салли, давай я тебе еще что-нибудь принесу.

- Нет, Крис, спасибо. Ничего не хочу. Чувствую себя блаженной и бесплотной, как святой или что-то в этом роде. Ты не представляешь себе, как это изумительно... Хочешь шоколад, дорогой? Клаус дал мне целых три плитки. Если я съем еще хоть каплю, заболею. Съешь, а?

- Спасибо, Салли.

- Не думаю, что я когда-нибудь выйду за него. Это погубит и его и мою карьеру. Видишь ли, Кристофер, он так ужасно меня обожает, что это вряд ли пойдет ему на пользу.

- Вы можете пожениться, когда прославитесь.

Салли и это обдумала:

- Нет, ничего хорошего не выйдет. Мы старались бы все время жить как прежде, если ты понимаешь, о чем я говорю. А ведь мы должны измениться... Он такой, такой... прямо как фавн, а я как настоящая нимфа из дикого леса.

Первое письмо от Клауса пришло в срок. Мы все с нетерпением его ждали, и фрейлейн Шрёдер даже специально меня разбудила, чтобы сообщить эту новость. Может, она боялась, что ей не удастся его прочесть, и рассчитывала, что я перескажу содержание. Страхи оказались напрасными. Салли не только показала письмо фрейлейн Шрёдер, фрейлейн Мейер, Бобби и мне, но отдельные места даже прочла вслух в присутствии жены швейцара, которая

пришла за квартирной платой.

С первых же строк письмо производило неприятное впечатление. Тон его был самодовольный и слегка покровительственный. Лондон Клаусу не понравился, он чувствовал там себя одиноко, еда ему не нравилась, а в студии относились к нему с недостаточным уважением. Хорошо бы Салли была рядом – она могла бы ему во многом помочь. Но коль уж он приехал в Англию, то попытается извлечь максимум пользы: будет много работать, заработает денег; Салли тоже нужно трудиться в поте лица. Работа ее взбодрит и спасет от уныния. В конце шли нежности, довольно-таки неискренние. Чувствовалось, что он уже не раз писал что-то похожее.

Салли, однако, была в восторге. Призыв Клауса так подействовал на нее, что она немедленно стала звонить в разные кинокомпании, в театральное агентство и полдюжине своих «деловых» знакомых. Правда, ничего определенного из этого не вышло, но целый день она была полна оптимизма и, как она мне рассказывала, ей даже ночью снились контракты и чеки с четырехзначными цифрами.

– Со мной такое происходит, Крис, ты даже не можешь себе представить. Я сейчас же берусь за дело и скоро стану самой великой актрисой в мире.

Однажды утром, неделю спустя, я вошел к Салли в комнату и увидел ее с письмом в руке. Я тотчас узнал почерк Клауса.

– Доброе утро, Крис, дорогой!

– Доброе утро, Салли.

– Как тебе спалось? – Она была неестественно оживлена и много болтала.

– Спасибо, хорошо. А ты как?

– Тоже прекрасно. Погода сегодня гнусная, правда?

– Да, пожалуй.

Я подошел к окну взглянуть, что там такое. В самом деле, не блеск. Салли улыбалась, приглашая меня к разговору:

- Ты не знаешь, что учудила эта свинья?

- Какая свинья? - Я изобразил непонимание.

- Крис! Ради бога, не будь таким тупицей.

- Извини. У меня сегодня голова плохо варит.

- Я не стану объяснять, милый. - Салли вынула письмо. - Вот, читай. Ну и сволочь! Вслух читай. Я хочу еще послушать. «Mein liebes, armes Kind», - начиналось письмо. Клаус называл Салли своей бедной крошкой, потому что, как он объяснял, боялся, что она будет страдать. Тем не менее выхода у него нет. Он пришел к определенному решению и должен сообщить его ей. Пусть она не думает, что ему легко, он долго мучился, но тем не менее уверен, что поступает правильно. Одним словом, они должны расстаться. «Теперь я вижу, - писал Клаус, - что вел себя очень эгоистично. Я думал лишь о собственном удовольствии. Но сейчас понимаю, что дурно влиял на тебя. Моя дорогая крошка, ты слишком преклонялась передо мной. Если мы будем по-прежнему вместе, у тебя скоро не останется ни воли, ни ума». Клаус продолжал советовать Салли жить ради работы. «Знаю по опыту: работа - единственное, что имеет значение». Он был очень обеспокоен, как бы Салли не слишком расстроилась. «Салли, бедная крошка, ты должна быть мужественной».

К самому концу письма все стало ясно. «Несколько дней назад меня пригласили на вечеринку к леди Клайн, в один из самых аристократических домов Лондона. Там я встретил очень красивую и умную девушку, мисс Гор-Экерсли. Она в родстве с каким-то английским лордом, имя я не расслышал, - возможно, ты знаешь, кто это такой. С тех пор мы дважды виделись и очень мило беседовали. По-моему, никогда прежде я не встречал женщину, которая бы так поняла мою душу».

- Что-то новенькое, - язвительно заметила Салли с коротким смешком, - никогда бы не подумала, что у этого парня есть душа.

Тут нас прервала фрейлейн Шрёдер, которая, сгорая от любопытства, вошла в комнату под предлогом узнать, не желает ли Салли принять ванну. Я оставил их вдвоем, чтобы не мешать задумчивому женскому разговору.

– Не могу сердиться на дурака, – сказала мне Салли позже, прохаживаясь по комнате и яростно дымя сигаретой. – Мне просто по-матерински жаль его. Но что будет с его работой, если он начнет вешаться на шею каждой встречной?

Она сделала еще один круг по комнате.

– Вот если бы у него был настоящий роман и он признался бы мне, когда все зашло достаточно далеко, тогда бы я рассердилась. А эта девчонка! Послушай, он, наверное, даже не спит с ней.

– Конечно, – согласился я. – Давай-ка лучше выпьем по коктейлю.

– Ты все-таки отличный парень, Крис! Всегда предлагаешь то, что надо. Как бы я хотела влюбиться в тебя. Клаус твоего мизинца не стоит.

– Да уж, куда ему до меня.

– Надо же, наглеч, еще смеет говорить, что я его обожала, – воскликнула Салли, проглатывая вустерский соус и облизывая верхнюю губу. – И самое ужасное, что действительно обожала.

Вечером, когда я зашел к ней, она что-то лихорадочно строчила.

– Я уже черт знает сколько писем ему написала и все порвала.

– Так не годится, Салли. Лучше пойдем в кино.

– Правда, милый Крис, – Салли утерла глаза кончиком носового платка, – к чему зря убиваться.

– Конечно, совсем ни к чему.

- Теперь-то я точно стану великой актрисой, хотя бы чтоб доказать ему.

- Вот это другое дело.

Мы отправились в небольшой кинотеатр на Бюловштрассе, где шел фильм о девушке, которая пожертвовала театральной карьерой ради великой любви, долга и детей. Мы так хохотали, что пришлось уйти до конца сеанса.

- Мне стало намного лучше, - сказала Салли по дороге домой.

- Ну и отлично.

- А знаешь, может, я по-настоящему и не была никогда влюблена в него.

- Мне трудно судить.

- Мне часто казалось, что я влюблена, а потом глядишь - ничего и нет. Но на этот раз, - произнесла она с сожалением, - я была совершенно уверена. А теперь все так запуталось, что я сама не разберу.

- Может, ты еще не пришла в себя от шока? - предположил я.

Салли понравилась моя мысль:

- Пожалуй, ты прав! Ты, Крис, великолепно разбираешься в женщинах, лучше всех мужчин, которых я знаю... Я уверена, что однажды ты напишешь потрясающую книгу, и она разойдется миллионными тиражами.

- Спасибо, Салли, что веришь в меня.

- А ты веришь в меня, Крис?

- Конечно, верю.

- Скажи честно.

– Ну... Я вполне уверен, что ты добьешься грандиозных успехов, только не знаю, в чем... То есть я хочу сказать, что ты многое могла бы делать, если бы старалась.

– Наверное, ты прав. – Салли задумалась. – По крайней мере, иногда я чувствую себя способной на многое. А иногда кажется, что ни на что не гожусь. Мужчину и то не смогла удержать возле своей юбки больше месяца.

– Салли, давай не будем начинать все сначала!

– Хорошо, Крис, не будем заводить эту волынку. Пойдем выпьем.

Несколько недель подряд мы с Салли большую часть дня проводили вместе. Свернувшись калачиком, она сидела на диване в большой грязной комнате, курила, пила яичные коктейли, непрерывно рассуждала о будущем. В погожие дни, если мне не нужно было давать уроков, мы шли в сквер на Виттенбергплатц и, греясь на солнышке, судачили о прохожих. Все обращали внимание на Салли в ее берете канареечного цвета и потрепанной шубке, похожей на шкуру старого шелудивого пса.

– Интересно, – говорила она, – что бы эти люди сказали, если б знали, что двое жалких бродяг когда-нибудь станут самым лучшим в мире писателем и величайшей актрисой.

– Наверное, ужасно удивились бы.

– Представляешь, Крис, как, разъезжая на «мерседесах», мы будем вспоминать прошлое и думать: «А что, не так уж плохо нам жилось в те времена!»

– «Мерседесом» и сейчас неплохо обзавестись!

Мы долго говорили о богатстве, о славе, о грандиозных контрактах для Салли, о побивающих все рекорды тиражах романов, которые я когда-нибудь напишу.

– Я думаю, – сказала Салли, – быть писателем – это здорово! Ведь вот ты такой мечтатель, непрактичный, неделовой. Люди воображают, что могут преспокойно водить тебя за нос, а ты садишься и пишешь о них книгу, и всем сразу ясно,

какие они сволочи, роман пользуется грандиозным успехом, а тебя ждут золотые горы.

– Боюсь, беда в том, что я не такой мечта- тельный.

– ...мне бы только богатого любовника найти. Вот смотри... Мне не нужно больше 3000 в год, квартиры и приличной машины. Я бы пошла на что угодно, лишь бы разбогатеть. Если ты богат, ты можешь позволить себе добиваться действительно хорошего контракта; тебе не нужно хвататься за первое попавшееся предложение... И, конечно, человеку, который меня содержит, я бы не изменяла.

Салли говорила всерьез и, очевидно, сама в это верила. Странное у нее было состояние, беспокойное, нервное. Могла вспылить безо всякой видимой причины. Бесперывно возвращалась к тому, что надо бы начинать работать, но ничего не делала, чтобы получить работу. Родители все еще ей помогали, но жили мы очень скромно, поскольку Салли больше не желала выходить по вечерам и вообще видеться с людьми. Однажды к нам на чай зашел Фриц. Я оставил их вдвоем, а сам пошел писать письмо. Когда я вернулся, Фрица уже не было, а Салли сидела в слезах.

– Этот человек действует мне на нервы! – всхлипнула она. – Ненавижу его! Убила бы!

Но через несколько минут она уже пришла в себя и, свернувшись на диване, задумчиво курила. Я стал смешивать яичный коктейль.

– Знаешь, странно, – сказала она вдруг, – кажется, у меня будет ребенок.

– Боже мой! – Я чуть стакан не выронил. – Неужели?

– Не знаю. Так трудно определить: месячные идут нерегулярно... Подташнивает. Может быть, что-нибудь съела?

– Не показаться ли тебе врачу?

– Наверное, надо. – Салли равнодушно зевнула. – Но спешить некуда.

– Как это некуда? Завтра же пойдешь к врачу.

– Послушай, Крис, кому, черт возьми, ты приказываешь? Я уже жалею, что заикнулась об этом. – Салли снова едва не заплакала.

– Ну ладно, будет, – поспешил я успокоить ее. – Поступай как знаешь. Мое дело сторона.

– Прости меня, дорогой. Я не хотела огрызаться. Посмотрим, как я буду себя чувствовать утром. Может, и правда пойду.

К врачу она, конечно же, не пошла, но на следующий день приободрилась и предложила:

– Давай куда-нибудь сходим вечером, Крис. Мне осточертела эта комната. Развлечемся немного!

– Правильно, Салли. Куда пойдём?

– Пошли в «Тройку», поболтаем с этим старым идиотом Бобби. Может, нальет нам по рюмочке.

От Бобби мы так ничего и не дождалось, но время провели не без пользы. В тот вечер, сидя в «Тройке», мы впервые разговорились с Клайвом.

С тех пор мы почти не расставались. Надо сказать, что трезвым я его не видел ни разу. Клайв признался нам, что выпивает полбутылки виски уже перед завтраком, и у меня не было оснований ему не верить. Он частенько принимался объяснять, почему пьет так много – он, видите ли, очень несчастлив. Но почему, я так и не уразумел, поскольку Салли всякий раз перебивала его, предлагая уйти совсем, или в другой бар, или покурить, или пропустить еще по маленькой. Пила она почти столько же, сколько и Клайв. Она никогда не пьянела, но иногда у нее были такие ужасные глаза, словно их вскипятили. А слой косметики на ее лице с каждым днем становился все толще.

Клайв отличался могучим телосложением, но начинал полнеть. Чем-то он походил на дородного римского патриция. Была в нем какая-то трогательная нерешительность, что обычно притягивает людей, особенно если человек богат. Нерешительный, грустный, он вечно был озабочен тем, как бы получше провести время, и, казалось, никогда не был уверен, что ему действительно весело и что то, чем мы занимаемся, и в самом деле здорово. Приходилось его все время убеждать. «Это правда стоящее дело? А там действительно очень весело? Правда? Да, конечно, все было чудесно! Потрясающе! Ха, ха, ха!» Его буйный мальчишеский смех нарастал и резко обрывался на вопросительной ноте. Казалось, он ни на что не мог решиться без нашего одобрения. Но несмотря на то, что он обращался к нашей помощи, в его голосе мне иногда чудились странные, едва уловимые нотки сарказма. Что он думал о нас на самом деле?

Каждое утро Клайв посылал за нами машину, которая доставляла нас в отель, где он остановился. Шофер непременно привозил прелестный букет, заказанный в самом дорогом цветочном магазине на Унтер-ден-Линден. Однажды, отправляясь на урок, я условился с Салли, что присоединюсь к ним позже. Придя в отель, я обнаружил, что Клайв с Салли улетели в Дрезден. В записке Клайв многословно извинялся и предлагал мне позавтракать одному в ресторане при отеле, представляясь его гостем. Но я не стал этого делать. От одного вида главного официанта мне стало не по себе. Вечером, когда Клайв и Салли вернулись, Клайв вручил мне сувенир: сверток, в котором оказалось шесть шелковых рубашек.

– Он хотел купить тебе золотой портсигар, – шепнула мне на ухо Салли, – но я сказала, что лучше рубашки. Твои в таком виде... Кроме того, нам сейчас надо быть осмотрительными. Пусть не думает, что мы вымогатели...

Я принял подарок с благодарностью. А что мне еще оставалось? Клайв нас совершенно развратил. Разумеется, он был готов дать денег для устройства театральной карьеры Салли, он часто заговаривал об этом и так непринужденно, таким милым тоном, словно это пустяковое дело, которое можно решить спокойно, без суеты, чисто по-дружески. Но стоило ему коснуться этого предмета, его внимание тут же что-нибудь отвлекало – он переключался быстро, как ребенок. Я замечал, как Салли порой с трудом сдерживала нетерпение.

– Оставь нас вдвоем, дорогой, – бывало, шепнет она мне. – Я хочу с ним серьезно поговорить.

Но как бы тактично ни пыталась она подвести его к делу, ей никогда не удавалось добиться своего. Через полчаса, когда я присоединился к ним, Клайв улыбался, потягивая виски, Салли тоже улыбалась, стараясь скрыть свое крайнее раздражение.

«Я его обожаю», – повторяла она мне весьма торжественно всякий раз, когда мы оставались вдвоем. Она верила в свою любовь, как новообращенный в догматы веры, и очень серьезно к ней относилась. Салли обожает Клайва. Да, это ко многому обязывает – обожать миллионера. Все чаще и чаще на лице у нее появлялось выражение умиления, как у опереточной монахини. И впрямь, когда Клайв с его очаровательной нерешительностью давал особенно наглому профессиональному нищему банкноту в двадцать марок, мы обменивались взглядами, исполненными неподдельного благоговения. Выбросить такую сумму – это было какое-то чудо, что-то сверхъестественное.

Однажды Клайв был трезвее обычного. В голове у него зрели разнообразные планы. Через несколько дней мы все трое должны покинуть Берлин. «Восточный экспресс» доставит нас в Афины, затем мы летим в Египет, оттуда в Марсель. Из Марселя отправимся на корабле в Южную Америку. Потом Таити, Сингапур, Япония. Клайв произносил названия стран, словно станции железной дороги, как нечто вполне будничное: он уже бывал там. Он все это уже знал. Выражение скуки на его лице, небрежный тон мало-помалу придавали нелепому разговору иллюзию правдоподобия. В конце концов, он мог себе позволить и такое путешествие. Я начал всерьез верить, что он собирается предпринять эту поездку. Одним мановением руки он мог изменить нашу жизнь.

Что стало бы с нами? Однажды начав, мы бы ни за что не остановились. И никогда не смогли бы бросить его. На Салли он, конечно же, женится. Я буду занимать странную должность, что-то вроде личного секретаря без определенных обязанностей. Я вдруг отчетливо увидел себя спустя десять лет: во фланелевом костюме и черно-белых туфлях, с округлившимся подбородком, вяло разливающим спиртное в гостиной отеля, где-нибудь в Калифорнии.

– Идите сюда, смотрите, хоронят кого-то, – позвал нас Клайв.

– Кого, дорогой? – набравшись терпения, спросила Салли.

Опять Клайв отвлекся, лишь бы уйти от темы.

– Неужели не заметили? – Он расхохотался. – Чрезвычайно элегантные похороны. Уже целый час процессия идет мимо нас.

Мы вышли на балкон его комнаты. Улица и впрямь была запружена народом. Хоронили Германа Мюллера. Ряды бледных коренастых клерков, чиновников, профсоюзных деятелей – пышная и однообразная процессия прусской социал-демократии устало тащилась под своими знаменами к видневшимся впереди Брандербургским воротам, на которых вечерний ветер развевал длинные черные траурные флаги.

– А кто этот малый? – спросил Клайв, посмотрев вниз. – Наверное, важная шишка?

– Бог его знает, – ответила Салли, зевая. – Погляди, Клайв, какой чудесный закат!

Она была права. Что нам до марширующих внизу немцев, усопшего и начертанных на знаменах слов. Через несколько дней, подумал я, мы утратим всякую связь с подавляющим большинством населения всего земного шара, честными тружениками, мужчинами и женщинами, зарабатывающими себе на хлеб насущный, на страховку жизни и имущества, озабоченными будущим своих детей. Вероятно, в Средние века люди чувствовали то же самое, поверив, что они продали душу дьяволу. Удивительное, приятно-возбуждающее ощущение, но в то же время было немного страшно. «Ну вот, – говорил я себе. – Дело сделано, теперь я пропал».

На следующее утро мы прибыли в отель в обычное время. Портье посмотрел на нас довольно странно.

– Кого вы хотите видеть, мадам?

Вопрос показался таким необычным, что мы оба рассмеялись.

– Конечно, жильца из 365 номера, – ответила Салли. – Кого же еще? Разве вы нас не узнаете?

– Боюсь, что вам это не удастся, мадам. Господин из 365 номера уехал рано утром.

– Уехал? То есть его сегодня не будет? Забавно. Когда он вернется?

– Он ничего не сказал о возвращении, мадам. Он отправился в Будапешт.

Пока мы стояли вытаращив глаза, подошел официант с запиской. «Дорогие Салли и Крис! Я не могу больше оставаться в этом проклятом городе, уезжаю немедленно. Надеюсь когда-нибудь встретиться с вами. Оставляю деньги на случай, если я забыл о чем-нибудь». В конверте лежало триста марок. Вместе с увядшими цветами, четырьмя парами туфель Салли, двумя шляпами (купленными в Дрездене) и моими шестью рубашками они составляли все наследство, доставшееся нам от Клайва. Сначала Салли рассвирепела. Потом мы оба принялись хохотать.

– Да, Крис, пожалуй, вымогатели из нас вышли никудышные, правда, милый?

Большую часть дня мы провели, обсуждая, задумал ли свой отъезд Клайв заранее. Я склонялся к тому, что нет. Я представил себе, как он переезжает из города в город, всякий раз расставаясь с новыми знакомыми примерно на один лад, и почему-то посочувствовал ему... Потом встал вопрос, что делать с деньгами. Салли решила отложить двести пятьдесят марок на одежду, полсотни мы спустили в тот же вечер.

Но эта трата не доставила нам того удовольствия, на какое мы рассчитывали. Салли плохо себя чувствовала и не могла съесть роскошный обед, который мы заказали. Мы оба были удручены.

– Знаешь, Крис, мне кажется, что мужчины всегда будут бросать меня. Чем больше я думаю об этом, тем больше мужчин вспоминаю. Как это ужасно.

– Я никогда не брошу тебя, Салли.

– Правда, дорогой? Seriously, я думаю, что я идеальная женщина, если ты понимаешь, о чем я говорю. Я могу увести чужого мужа, но не умею удержать его при себе долго. Мужчины бросаются очертя голову, но быстро охлаждаются.

- Что ж, лучше быть такой, чем гадким утенком с золотым сердцем, правда ведь?

- Я готова себе локти кусать из-за того, что унижалась перед Клайвом. Ни в коем случае нельзя было надоедать ему с деньгами. Он небось решил, что я обыкновенная потаскушка, как все остальные. А я действительно обожала его - по-своему... Если бы я вышла за него замуж, то сделала бы из него человека. Заставила бы его бросить пить.

- Ты подавала ему хороший пример.

Мы оба рассмеялись.

- Этот мерзавец мог бы по крайней мере оставить мне приличный чек.

- Не думай об этом, дорогая. Таких, как он, немало.

- Ну и черт с ним, - сказала Салли. - Мне надоело быть шлюхой. Никогда больше не взгляну на человека с деньгами.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

Пойдем, сладкий (нем.). (Здесь и далее примеч. перев.)

2

Сигары, сигареты (нем.).

3

Это ты, мой сладкий? Ну, что мы будем делать завтра вечером? Как это замечательно! Нет, нет, сегодня вечером я буду дома. Да-да, вечером я, правда, останусь дома. До свиданья, милый... (нем.).

4

Не правда ли, фрау Карпф? (нем.)

5

О, фрау Карпф, дорогая, как это мило с вашей стороны! (нем.)

6

Милостивая госпожа (нем.).

Купить: https://tellnovel.com/ishervud_kristofer/proschay-berlin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)